

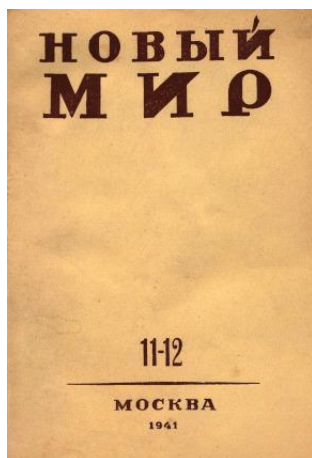
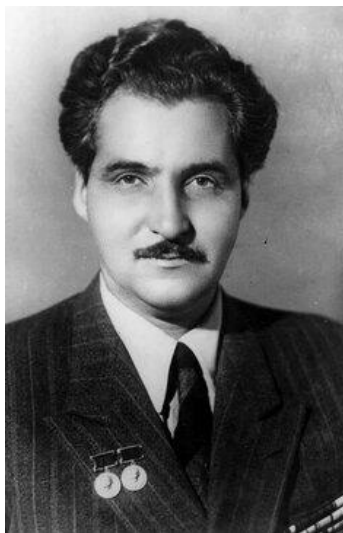
Эхо памяти на страницах литературных журналов

Великая Отечественная война – это не просто страница истории, а глубокая рана в памяти народа. Это суровое испытание нашло свое отражение и в литературно-художественных журналах советского периода. Именно здесь зарождались и жили произведения, которые стали свидетелями эпохи, передавая эхо войны из поколения в поколения. Они объединяли писателей, художников и других деятелей культуры, а также предоставляли платформу для литературного и художественного самовыражения в сложных условиях.

Тема Великой Отечественной войны (ВОВ) широко представлена в литературных журналах как в период её непосредственного освещения, так и в более поздние годы. Она охватывает широкий спектр вопросов — от исторических событий и героизма до личных судеб людей и философского осмысления войны.

Константин Симонов

ПОСВЯЩАЕТСЯ В. С.

С тобой и без тебя

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

(Лирический дневник)

★

1. ЗАПАД

★

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет, на том и этом свете,
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет,
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой.
Ты говоришь — что есть еще другие,
Что я там был, и мне пора домой...

Здесь это горе знают понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.

Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой притти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакала там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Мой дом теперь не там, где прежде
жили,

А там, где отнят у мальчишки он.

За тридцать земель, в горах Урала
Твой мальчик спит. Испытаны судьбой,
Я верю, мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет, когда наступит дата,
Ему, как мне, итти в такие дни,
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помани.

Минское шоссе, июль.

★

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

19

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять не ждавшим, им,
Как, среди огня,

Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой —
Просто, ты умела ждать,
Как никто другой.

Западный фронт, июль.

Песня отпора

Опять на восток, как в июле
былом,
Немецкие полчища прут
(напролом.
Пехота идет, по дорогам пыли,
Под танками стонет донская
земля,
В станицах и селах расправы и
плач,
Над пеплом пожарищ лютует
палач.
Порушена хата и вырублен сад.
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!
Затем ли пахал ты с рассвета, с
утра,
Чтоб твой урожай собрала
немчура!
Затем ли ты строил дома и
дворцы,
Чтоб их разрушали теперь
подлецы!
Земля под ногами твоими горит.
Земля тебе шелестом трав
говорит:
— Не смеет топтать меня
бешеный гад!
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!
Где дрогнуло сердце, где
глохнет борьба,
Там плен и позорная участь
раба.
Пруссак изнасилует дочь и
жену,

Малютки зачахнут в немецком
плену.
Разрушив твой кров, обездолив
семью,
Твой хлеб и овцу, и корову твою
Сожрет и сведет со двора
супостат.
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!
Навстречу железному лязгу
колонн
Встань, (Воин и мститель,
отважен, силен!
Встань, яростный, жизнь и
отчизну любя!
Нет силы такой, чтоб сломила
тебя.
Удар «а удар и снаряд на
снаряд!
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!
Не дай им покою ни ночью, ни
днем,
И танком дави и топчи их
конем,
Коли их штыком и 'гранатой
рази,
Чтоб трупы их стыли в кровавой
грязи.
Тогда, истребляя их вражеский
род,
Пойдешь ты к победе
На запад, вперед.

МАРГАРИТА АЛИГЕР

ЗОЯ

Поэма

В первых числах декабря 1941 года в селе Петрицево, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку, назвавшую себя Татьяной.

Она оказалась московской школьницей Зоей Косьмодемьянской.

(Из газет)

ВСТУПЛЕНИЕ

Я так приступаю к решенью задач,
как будто конца и ответа не знаю.
Протертые окна бревенчатой дачи
раскрыты навстречу московскому маю.

Солнце лежит на высоком крыльчке,
девочка с книгой сидит на пороге.

«На речке, на речке,
на том бережечке,
мыла Марусенька белые поги...»

И писквоть пропизала песенка эта
журчащим речки и смехом Маруси,
окрашена небом и солнцем прогрета...

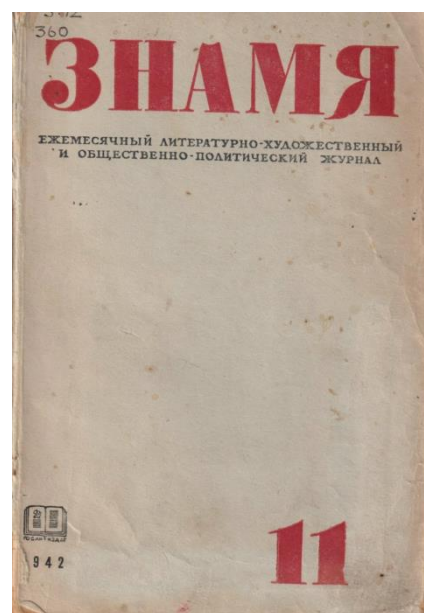
«Плыли к Марусеньке
серые гуси...»

Отбросила книгу, вокруг поглядела.
Над медными соснами солнце в зените...
Откинула голову, песню догела:

«Вы, гуси, летите,
воды не смутите...»

Бывают на свете такие мгновенья,
такое жерцание солнечных пятен,
когда до конца исчезают сомненья
и кажется: мир абсолютно понятен.
И жизнь твоя будет отныне прекрасна
и это навек, и не будет иначе.

1:

Впервые Опубликовано в «Знамя» 1942

Александр Твардовский

А. ТВАРДОВСКИЙ
ВАСИЛИЙ ТЕРКИН
Книга про бойца
(Окончание)¹

IX. О ПОТЕРЕ

Потерял боец кисет,
Залскался,— нет и нет.

Говорит боец:— Досадно.
Столько вдруг свалилось бед.
Потерял семью. Ну, ладно.
Нет, так на тебе — кисет!

Запропасться куда-то,
Хватить-поймать, примал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот — кисет!

Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Все на свете — и кисет.—

Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета, как без рук.—

В неприятном школьном доме —
Мужики — не детвора.
Не за партией, на соломе,
Черезречной, как востра,

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:

— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
Вот судьба, товарищ Теркин.—
Теркин:— Что там за судьба.

— Так случиться может с каждым,—
Возразил бородачу.—
Не такой со мной однажды
Случай был. И ты молчу.

И молчит, сонит сурово,
Кос-где привстал народ.
Из мешка на вещевую
Теркин шапку достает.

Просто шапку меховую,
Той шкурку бобраю,
Что сидит на голове.
Есть еша. Откуда две?..

— Привезли меня на танке,—
Начал Теркин.— Сдали с рук.
Только пет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.

И не то, чтоб стало зябло,
Просто, гордость у меня.
Потому боец без шапки —
Не боец. Как без ромня.
А девочка перевязку
Нежно делает, с опаской.

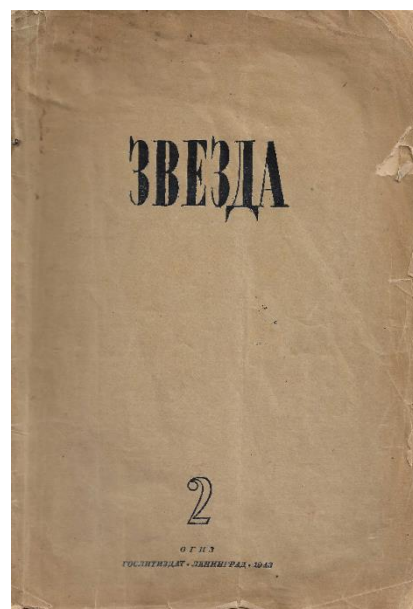
101

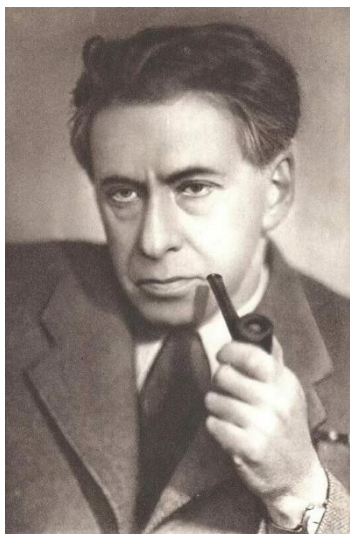
Ольга Берггольц

Товарищу балтийцу

Вешний ветер по городу мчится,
Лёгкий ветер в горящих лучах...
Уходящему в море балтийцу
Что сказать на прощанье сейчас?
Знаю, знаю, друзья краснофлотцы
Тяжкий путь предстоит кораблям
И, быть может, не каждый вернётся
К ленинградским родным берегам.
Но балтийцы бывали в походах,
Вся планета о них говорит!
Слава грозного прошлого года
Пусть и нынешний год озарит.
Буду с гордостью, с трепетом в сводке
Имена дорогие искать
И, тревожась, подводные лодки
Из далёкого плавания ждать.

Илья Эренбург

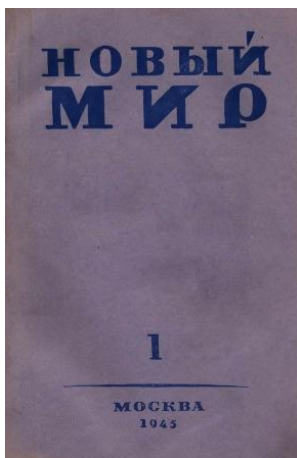
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

СТИХИ

Ненависть. В тусклый январский полдень
Лед и сгусток замерзшего солнца.
Лед. Под ним клокочет река.
Рот вабит. Говорит рука.
Нет теперь ни крыльца, ни дыма,
Ни тепла от плеча любимой,
Ни калитки, ни лая собак,
Ни тоски. Только лед и враг.
Ненависть — сердца высочий крик
Все отошло, ушло, раскололось.
Пуля от сердца сердце найдет,
Чуть задымится розовый лед.

С ручкой грачалою иль у пушки,
Иль в диком конникоз отрою
Он слышит, как услышал Пушкин:
«Есть упоение в бою».
Он видит все. Спокойно целясь,
Он к смерти задросто готов,
Но для него все та же прелесть
В звучании далеких слов.
И смутным гулом русской речи,
Как бы наполнен до краев,
Он смерти выжидает навстречу
И не почувствует ее.

Когда закончен бой, присев на камень,
В грязи, в поту, измученный солдат
Глядит еще незрячими глазами
И другу отвечает невпопад.
Он, может быть, и закурить попросит,
Но не закурит, а махнет рукой.
Какие жал он трудные колосья.
И где ему почувдился покой?
Он с недоверьем оглядывает пабушки
Давно ему знакомого осла,
И левослачай рукой щечи коснувшис
Он вздрогнет от внезапного теп

Впервые опубликовано в «Знамени» 1945 г

Александр Фадеев

ЗНАМЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 12

Издательство «Советский писатель»

1945

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Роман¹

184/65.

— Охрана далеко живет?— спрашивал Анатолий.

— Охрана живет по правую сторону дороги, уже в самом хуторе. А барак на отлете слева, возле той рощи, помнишь? Там раньше склад был. Они только нары сделали да обнесли вокруг проволокой. И всего один часовой... Я думаю, охрану выгоднее не трогать, а снять часового... А жаль: следовало бы их всех передать,— сказал Виктор с злым выражением.

Виктор Петров сильно изменился с той поры, как погиб его отец. Он лежал в темной бархатной курточке и, мрачно поглядывая на Анатолия своими смелыми глазами, покусывая сухую травинку, говорил как бы нехотя:

— Ночью пленные на замке, но можно взять Глованя с инструментом, он все сделает бесшумно...

Анатолий поднял глаза на Улю.

— Как твое мнение?— спросил он.

Хотя Уля не слышала начала их разговора, она с тем мгновенным пониманием с полуслова, пониманием, которое с самого начала их деятельности установилось у них само собой, сразу схватила сущность того, чем был недоволен Виктор.

— Я Витю очень хорошо понимаю,— правда, хотелось бы уничтожить охрану. Но мы еще не созрели для таких операций,— сказала она своим спокойным и свободным грудным голосом.

— И я тоже так думаю,— сказал Анатолий.— Надо делать то, что проще и ближе всего ведет к цели.

К вечеру другого дня они сошлись поодиночке в лесу под хутором Погорелым на берегу Донца, пятеро—Анатолий и Виктор, их товарищи по школе Володя Рагозин, Женя Шепелев,— самый младший из них,— и Борис Гловань. Все они были вооружены револьверами. У Виктора была еще старинная отцовская «финка», которую он теперь всегда носил на поясе под бархатной курточкой. Борис Гловань взял с собой щипцы-кусачки, «фомку» и отвертку.

¹ Окончание; см. «Знамя» №№ 2,3,4,5-6,9,10,11, 1945 г.

М. Бажан

ЭПИЗОД

Вот небольшие яростные птицы
Вдруг заревут и, накренив
крыло,
Взовьются ввысь — в туманы и в
зарницы, -
В то небо, где от зарев все
светло.
Площадка лётная отпрянет,
зданье
Метнется в сторону, мелькнет
река,
И злобный винт пропорет
облака,
Где пламени и дыма колебанье.
Небесная тогда предстанет сень
Расчерченной огнями боевыми.
Тогда внизу под крыльями
своими
Немецких крыльев ты увидишь
тень.
Тогда, ломая линию полета,
Металл и мясо вражье, как
ножом,
Коротким, но губительным
огнем
Разрежешь ты с крутого
поворота.
Но сам качнешься вдруг под
посвист пуль,
Как будто ветер завладел тобою,
И раненой истерзанной рукою
Сожмешь неповинующийся
руль.

ЗНАМЯ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 7	О Г И З	Государственное издательство художественной литературы	1945
-----	---------	---	------

Хотя стальная птица вниз
влекома,
Закон земного тяготенья все ж
Преодолеешь ты и доведешь
Свою машину до аэродрома.
И пашня за тобой мелькнет в
пыли,
И одолеешь ребра косогора,
И, рев больного заглушив
мотора,
Услышишь гул и аромат земли.
Подымешь ты прозрачное
забрало,
Друзей, собравшихся увидишь
ты,
И санитарке прохрипишь:
«Воды!»
А жизнь течет, не изменясь
нимало.
Посмотришь на часы, они идут,
И скажет стрелок точное
движение:
С момента вылета до
возвращения
Лишь двадцать, но каких,
прошло минут!

**Перевел с украинского Н.
Ушаков**

Впервые Опубликовано в «Новом мире» 1968

Расул Гамзатов

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что джигиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса.

Сейчас я вижу — над землей чужою
В тумане предвечернем журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

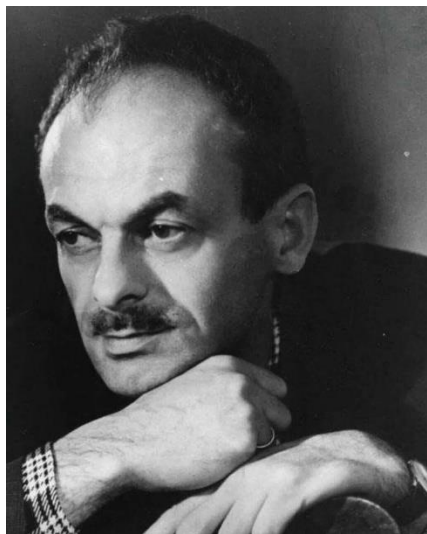
Летит, летит по небу клин усталый —
Мои друзья бывшие и родня.
И в их строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
По-птичььи из-под неба окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

Перевел Н. Гребнев.

Булат Окуджава

Живые, вставай-подымайся,
Будь счастлив, кто снова живой,
На первый-второй рассчитайся,
Ряды поредевшие сдвой.
Чисты ваши тонкие руки,
Ясна ваших глаз синева,
Цена за минувшие муки
Ничтожна, как дым и трава.
Чем дальше от юности дерзкой,
Тем ближе мы к чёрной земле,
И памятка бури вселенской
Лежит, как печать, на челе.
И всё неподатливей струны,
И с каждой минутой трудней
Увидеть в усмешке фортуны

Улыбку надежды своей.
Сквозь дымку проявится лик,
Душа моя, честное слово,
Опять замирает на миг.
И если учитель ворчливый
К доске предлагает пройти,
Иду я, как мальчик счастливый,
И верю, что всё впереди.

1975

Марат КАРИМОВ

П и с ь м а

■

Людям пишут письма ежедневно.
Запасясь терпеньем, ожидай,
И письмо найдет дорогу верно
В ближний край
И в самый дальний край.
Осенью, зимою
Иль весною —
Все равно, когда оно придет.
Радуйте крылатую строкою
Тех, кто так надеется и ждет.
Письма каждый день идут к счастливым.
Но к тебе уже который год
Ни весной,
Ни осенью дождливой
Почтальон письма не принесет
И не крикнет радостный, довольный:
— Весточку принес тебе, встречай!..—
Желтый лист, знакомый, треугольный,—
Заждалася весточки-то, чай?
Он похож на тот конверт солдатский,
Что в избе за матицу заткнут,
Временем окрашен желтой краской..
Люди ежедневно письма ждут.
Только мать ждет осени, как прежде,
И уже подряд который год
В сердце загорается надежда:
Почтальон письмо ей принесет.

Перевел с башкирского С. ПОЛИКАРПОВ.

Фазу Алиева.

Салидат

поэма, перевод С. Северцева
(отрывок)

Очень краткой была на столе записка
«Не сердитесь, мама, простите, ждите,
Все воюют – и я воевать ушла...»
Отправляюсь с двумя подругами в город,
Чтоб уйти добровольцами на войну.
Было это осенью, после жатвы, -
Самой тяжелой осенью, самой грозной,
В беспощадном сорок втором году.

Здесь, на светлом холме,
Я даю обещанье:
Сотни юных сердец
Твой огонь сохранят,
Этот пламень высокий
Угаснуть не должен!..
Не букет гвоздик на плиту положен –
Это памяти жгучие искры горят.

1979 – 1981; Братислава – Махачкала

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Фазу Алиева → Салидат. Поэма 3
Владимир Санин → Точка возврата.
Повесть 15
Лина Нестенко → Напряженная туча.
Цикл стихотворений 138

Ежемесячный журнал
Выходит с января 1931 г.

М А Р Т

К Н И Г А
Т Р Е Т Ь Я

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
1982

Иностранная новелла

Герман Кант → Третий гвоздь 142

Рубени плитетки. Год 1982-й

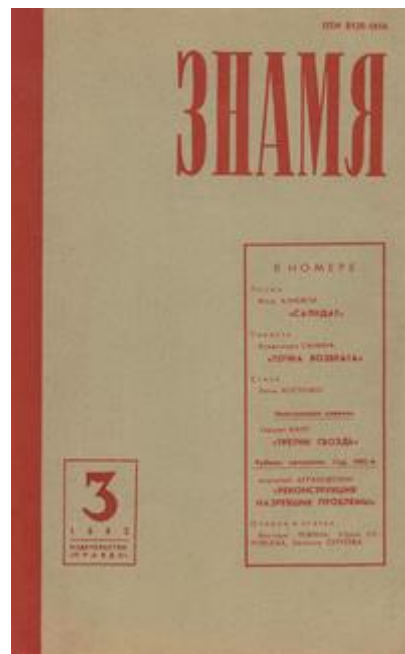
Анатолий Аграновский → Реконст-
руция: назрели проблемы. Очерк 156

Торговцы смертью

Виктор Левин → Бизнесмены: удачи.
Очерк. Окончание 181

Поэтические маргиналии

Юрий Суворцов → В стиле октавы 202

Константин Ваншенкин

В сорок четвертом

Мелькали дома и опушки,
Дымился туман над водой.
И мылся в гремящей теплушке
Чуть свет лейтенант молодой.
Он ждать не хотел остановки,
Входя в ослепительный день.
А сзади его для страховки
Держали за брючный ремень.
Стоял он в летящем вагоне,
Судьбу принимая свою,
И лили ему на ладони
Воды неудобной струю.
В разбитом очнувшемся мире,
Мечтавшем забыть про беду,
Уже километра четыре
Он мылся на полном ходу.
Смеющийся, голый по пояс,
Над самым проемом дверей.
И яростно нес его поезд
В пространство — скорей и скорей!
Пред странами всеми, что плыли
В предчувствии мирной страды,
Военного пота и пыли
Усердно смывал он следы —
Весной сорок пятого года,
Своею удачей храним...
Солдаты стрелкового взвода,
Как в раме, стояли за ним.

ВЛАДИМИР ДИВАКОВ

Память

Уходят в прошлое года,
Война ушла в кинокартины,
По пятьдесят уже мужчинам,
Не воевавшим никогда.
Но не слабеет и не стынет
Боль давних горестных утрат,
И превращаются в святыни
Могилы братские солдат.
Курган Мамаев перед нами.
В его не веря тишину,

Идем тяжелыми шагами,
Идем как будто на войну.
И будто вдруг заныла рана,
И словно было лишь вчера:
Забытый голос Левитана,
Свист пуль и русское «ура».
И от развалин Сталинграда
Мы до победной выгоды
Прошли кровавых полверсты,
Отдав как поздние награды
Могилам свежие цветы.

* * *

Мы в ту войну не воевали —
Наш возраст был не призывной.
Мы еще только начинали
В войну играть перед войной.
Те годы мирные, как сны,
Померкли в розовом тумане,
Для нас реальность очертаний
Жизнь обрела лишь в дни войны.
Я помню самый первый день.
С него встают воспоминанья,
Он с детского еще сознанья
Забвенья снял густую тень.
И исчезает тишина,
И будто слышится мне снова
Тяжелое, как глыба, слово,
Короткое, как взрыв, —
Война...
У нас не строились заводы

И не положено брони —
Мужчины в первые полгода
Ушли...
И не пришли с войны.
Поселок обошли воронки —
Налеты миновали нас.
Его бомбили похоронки
И разрывались, как фугас.
Ценой великой был заслужен
Победный день поселком вдов,
Лишь стайки радостных мальцов,
Босых, не помнящих отцов,
Скакали в этот день по лужам.
Мы в ту войну не воевали.
Не ставьте это нам в вину —
Мы с матерями голодали,
Мы детства без войны не знали,
Мы просто прожили войну.

1980.

